

УДК 340.152; 340.153; 343.13

DOI 10.52928/2070-1632-2021-58-13-137-140

**ГЕНЕЗИС НОРМАТИВНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА
УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА ДРЕВНЕБЕЛОРУССКИХ ЗЕМЛЯХ**

канд. юрид. наук, доц. Ю.П. ШКАПЛЕРОВ
(Могилевский институт МВД Республики Беларусь, Могилев)
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0328-0955>

В статье рассматривается генезис нормативного регулирования досудебной уголовно-процессуальной деятельности на древнебелорусских землях с начала XI века. В частности, анализируются положения основного письменного источника права Киевской Руси – Русской Правды, регламентирующие такие процессуальные институты, как свод, гонение следа и др. При этом рассматривается их сущность и мнения различных исследователей по обозначенной проблематике. Автором акцентируется внимание на том, что нормативное регулирование фиксации следов общественно-опасного деяния, установленное в отдельных положениях Русской Правды, через несколько столетий было воспринято законодателем и нашло свое отображение в Статутах Великого Княжества Литовского 1529, 1566, 1588 гг., которые, в свою очередь, действовали на белорусских землях вплоть до XIX в.

Ключевые слова: история права, уголовный процесс, Русская Правда, Статут Великого Княжества Литовского.

Введение. Изучение любого правового института необходимо начинать с его генезиса и истории развития, что позволит в полной мере понять причины и обстоятельства его существования именно в таком виде, в котором он есть сегодня. Не является исключением из этого аксиоматического правила и исследование досудебного производства в уголовном процессе. В то же время, в белорусской уголовно-процессуальной науке комплексные исследования истории досудебной уголовно-процессуальной деятельности не проводятся. Рассмотрение отдельных аспектов развития процессуальных институтов и процессуальных действий проводится лишь на уровне первых глав диссертационных работ. В этой связи целью настоящей публикации является исследование генезиса досудебного производства в отечественном уголовном процессе, что является важным для последующего изучения озвученной проблематики.

Основная часть. С момента появления первых княжеств на землях, ныне входящих в состав Беларуси, в них действовала система неписанных правил поведения людей, которая опиралась на общее признание и «старину» [1, с. 35] – обычное право. В «Повести временных лет» говорится, что жители каждой земли «имяху бы обычаи свои и закон отец своих» [2, с. 14]. Рост территорий древних государств, развитие международных отношений и распространение письменности среди населения обусловили постепенный переход от обычного права к письменному. До наших дней сохранилась небольшая часть старинных письменных нормативных актов. Однако, благодаря тому что древние обычные нормы переносились в более поздние памятники права, у нас имеется возможность ознакомиться с ними [1, с. 38].

Первым нормативным документом, регламентирующим досудебное производство на землях современной Беларуси, по всей видимости, была Русская Правда, которая в определенные периоды действовала и на древнебелорусских территориях (особенно это касается Турова) [3, с. 18, 29]. Источниками Русской Правды являлись обычное право, решения княжеских судов, а также решения (постановления) князей (Ярослава, Изяслава, Владимира Мономаха и др.) по различным правовым вопросам. Кроме того, в текст рассматриваемого нормативного документа вошли отдельные нормы византийских законов, например, положение об ответственности господина за преступления его холопа [4, с. 97].

В период ее действия (начиная с XI в.) еще не существовало различий между уголовным и гражданским процессами, в то же время государство помогало истцу в преследовании виновного, возлагало обязанность уголовного преследования на общину и т.п. Кроме того, уже в XII в. должностные лица государства подвергали преследованию виновных даже тогда, когда пострадавшая сторона отказывалась от иска [4, с. 634].

Исходя из текста Русской Правды можно говорить о том, что разбирательство по факту совершения преступления осуществлялось в два этапа: первый – досудебное производство, второй – судебное разбирательство. В свою очередь, досудебное производство могло происходить в форме «свода» и «гонения следа». Как отмечает С.В. Юшков, вопрос о том, что представлял собой свод, являлся предметом оживленной дискуссии среди историков права. Так, одни исследователи (И. Дювернуа, Н.В. Калачов, К.А. Неволин, И. Эверс,) считали свод порядком производства по делам о восстановлении нарушенного права собственности – *rei vindicatio*. Другие же (М.Ф. Владимирский-Буданов и др.) полагали, что свод был начальной стадией процесса. В свою очередь, Н. Ланге, В.И. Сергеевич и др. считали свод очной ставкой. Наконец, по мнению четвертых (например, Ф.И. Леонтовича), свод являлся особым видом уголовно-процессуальной деятельности – «процессом по татьбе». В то же время, несмотря на противоречия в оценке свода, все исследователи признают, что последний не выступал в качестве исключительной особенности древнерусского права, а был известен и другим славянским народам, к примеру, сербам.

Как показал Ф.И. Леонтович, в качестве института права свод сохранился и в Великом Княжестве Литовском [Ошибка! Источник ссылки не найден.].

С.В. Юшков говорит о невозможности однозначного признания свода в эпоху Русской Правды виндикационным процессом или начальной стадией процесса, или очной ставкой, или особым порядком производства – «процессом по татьбе». Свод, по его мнению, это юридическое явление – *sui generis*, не поддающееся простому разложению на составные части, которое изменялось во времени по мере того, как развивался процесс феодального государства. Данный автор предполагает, что в варварский дофеодальный период свод был частью и, быть может, значительной частью процесса. А затем, в эпоху Русской Правды, он стал менять свое значение: в этот период только в некоторых случаях свод был чем-то средним между «предварительным следствием» и начальной стадией процесса. О своде говорилось уже в краткой редакции Русской Правды (ст. 11, 13, 14, 16), однако наиболее полное развитие этот процессуальный институт Киевской Руси получил в пространной редакции Русской Правды (ст. 25 (32), 27 (34), 28 (35), 30–33 (36–39)). По мере дальнейшего развития феодального суда элементы свода стали интегрироваться в процессуальные формы этого суда¹.

Свод состоял из заклича, непосредственно свода и присяги. Так, человек, у которого похищали имущество, обязывался в трехдневный срок сделать «заклич», то есть соответствующее объявление на торгу того города, где произошло хищение. Если по истечении трех дней после заклича устанавливалось лицо, владеющее похищенным, оно должно было вернуть его и уплатить 3 гривны штрафа (продажи) (ст.ст. 32, 34 краткой редакции Русской Правды) [5, с. 124]. На основании анализа указанных норм права С.В. Юшков утверждал, что к закличу прибегали при хищении холопов и вещей, имеющих индивидуально-определенные признаки. Следовательно, при похищении денег или массовых товаров заклич применять было нельзя².

«Свод» в узком смысле слова начинался в случаях, когда похищенное обнаружено:

- а) у кого-либо до «заклича»;
- б) до истечения трех дней после «заклича»;
- в) не в своем городе («миру») [7, с. 635].

Само по себе обнаружение похищенной вещи при таких обстоятельствах не рассматривалось как доказательство виновности лица, которое ей владело, так как закон и практика исходили из того, что нынешний владелец мог правомерно приобрести это имущество у известного ему лица. Поэтому фактический владелец, оставляя вещь у себя, должен был вместе с пострадавшим идти к тому лицу, у которого было приобретено это имущество. Если и третье лицо ссылалось на законный способ приобретения вещи, то свод продолжался далее всеми заинтересованными сторонами [4, с. 639].

Чаще всего человек, у которого была найдена пропавшая вещь, оправдывался тем, что он купил или иным добросовестным способом ее приобрел. Добросовестный приобретатель очищался от обвинения в краже вещи указанием на двух свидетелей ее покупки, что подтверждалось их присягой. Эту присягу могла заменить присяга мытника – лица, уполномоченного на сбор торговых пошлин, который ранее удостоверял сделку купли-продажи. Иногда свод заканчивался тем, что приобретатель вещи не мог доказать добросовестность ее приобретения, в связи с чем ответственность за хищение возлагалась на него³.

При отыскании похищенного челядина (холопа) собственник не вел свода дальше третьего лица. Третий добросовестный приобретатель передавал истцу своего холопа и, оставляя похищенного челядина у себя, вел дальнейшие поиски самостоятельно [4, с. 639; 5, с. 125].

Когда же свод заканчивался отысканием вора, последний был обязан уплатить штраф (продажу) и компенсацию лицу, которому он продал похищенную вещь. Если похитителя подлежало искать не в данном городе или общине, то свод мог производиться только до третьего лица, которое и обязывалось оплатить собственнику пропавшей вещи ее стоимость деньгами, а само имело право продолжать свод далее. В случае, если свод приводил к границам государства, то ответственность несло последнее лицо, которое и обязывалось выплатить собственнику похищенной вещи ее стоимость [5, с. 125].

«Гонение следа» заключалось в розыске преступника по его следам в прямом смысле этого слова. Предполагалось, что там, где теряются следы, и находится преступник. Когда же след терялся на большой дороге или в степи – розыски прекращались. Гонение следа влекло за собой для общины (верви), в которой утрачивались следы убийцы, необходимость самой отыскать преступника и выдать его властям или уплатить дикую виру [5, с. 131]. Если какая-либо община не «отводила от себя следа» или препятствовала истцу в розыске («отобьется от следа»), то это обстоятельство считалось подтверждением того, что на ее территории скрывается преступник [4, с. 636].

Свод и гонение следа не явились доказательствами в узком смысле этого слова. Они лишь давали основания для привлечения виновного к ответственности⁴.

Заслуживает также внимания ст. 29 «Если придет избитый до крови человек» Пространной редакции Русской Правды, содержащая следующее правило: «Если придет избитый до крови или до синяков человек, то не

¹ Юшков, С.В. История государства и права России (IX–XIX вв.) [Электронный ресурс]. – Ростов н/Д, 2003. URL: <https://law-book.online/gosudarstva-prava/svod-gonienie-sleda-40551.html>.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

искать ему свидетелей... если же на нем не будет следов (побоев), то привести для подтверждения (своих) слов свидетелей...» [5, с. 123–124; 6, с. 65]. В данной норме следы на теле человека в виде пятен крови и кровоподтеков приравнивались к свидетельским показаниям о причинении ему телесных повреждений. Однако, здесь важно указать, что приведенное нормативное положение в большей части относилось к производству в суде, хотя, при определенных обстоятельствах могло быть реализовано и до обращения заявителя в суд. Похожие правила, предусматривающие непосредственное восприятие следов преступления на теле пострадавшего, т.е. его освидетельствование в современном понимании, имелись и в других статьях Русской Правды. Примером тому могут служить ст. 67 «О бороде» и ст. 68 «О зубе» Пространной редакции Русской Правды, согласно которым потерпевший был обязан предъявить свидетельство того, что ему нанесено телесное повреждение – вырвана борода, выбит зуб [5, с. 130; 6, с. 65]. Но и эти нормы преимущественно необходимо соотносить с судебным производством древнего русского государства.

В рассматриваемом контексте особо необходимо отметить ст. 40 Пространной редакции Русской Правды, которая гласила: «Если кого-либо убьют (за кражею), в доме или (вообще) во время какой-либо кражи, то пусть убьют (его) как собаку; если же додержат до рассвета, то вести (его) на княжеский двор; если же убьют его и люди видели (его) уже связанным, то платить за него 12 гривен» [5, с. 126]. Это предписание, несмотря на то что оно также в большей степени относилось к разбирательству в суде, интересно тем, что через несколько столетий с небольшими видоизменениями будет включено в Статуты Великого Княжества Литовского (далее – ВКЛ) как относящееся, в том числе, к досудебному производству, и продолжит действовать до рубежа XVIII – XIX стст. Так, изначально данная норма была ретранслирована в ст. 20 «Кто бы злодея при злочинстве забил» (Если бы кто-нибудь убил вора на месте преступления) раздела XIII Статута ВКЛ 1529 г., согласно которой в случае, если «... злодей вшел в чий дом красти, в оного бы злодея зостали и хотели поймати, а он бы ся поймати не дал а боронился...», в результате чего погиб, то человек, который убил преступника, обязывался оповестить ближайших соседей и сообщить хозяину убитого (если таковой имелся) о случившемся. После этого хозяин злоумышленника был обязан приехать лично либо послать своего наместника или иное уполномоченное лицо для осмотра трупа⁵. Затем это положение было закреплено в ст. 6 «Если бы убил преступника в своем доме и его сообщников» раздела XI Статута ВКЛ 1566 г. [1, с. 179–180] и ст. 19 «Кто бы убил преступника в своем доме и его сообщников» XI раздела Статута 1588 г.⁶.

Отдельные упоминания элементов доказывания на анализируемом этапе уголовного процесса можно найти не только в тексте Русской Правды. Так, например, первое нормативное упоминание обыска связывают с договором киевского князя Олега с греками 911 г., где указывалось, что если кто-либо по подозрению в воровстве, самоуправно с притеснением и явным насилием обыскивал чужой дом, или изымал какое-либо имущество под видом законного обыска, то такой человек должен был возратить втрое больше взятого [8, с. 69]. Здесь можно предположить, что подобное правило могло быть реципировано в текст договора либо из византийского права, либо из восточнославянского правового обычая. Во втором случае подобный обычай в обозначенный исторический период мог существовать и на древнебелорусских землях.

Заключение. Таким образом, подводя итог, необходимо указать, что с появлением на территориях, входящих в состав современной Беларуси, древнерусского государства возникло и право. В том числе право, регламентирующее порядок досудебного производства в уголовно-процессуальной деятельности. Положения Русской Правды, в течение столетий являвшиеся источником уголовно-процессуальных норм, в дальнейшем с определенными корректировками будут включены в содержание нормативных актов ВКЛ, в т.ч. Статутов ВКЛ [9, с. 51–54] и будут действовать до утраты последними юридической силы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Доўнар, Т.І. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі : падруч. / Т.І. Доўнар. – Мінск : Адукацыя і выхаванне, 2014. – 416 с.
2. Повесть временных лет / Подгот. текста Д.С. Лихачева ; Пер. Д.С. Лихачева и Б.А. Романова ; под ред. В.П. Адриановой-Перетц. В 2 ч. – 1-е изд. – Ч. 1. : Текст и перевод. – М.; Л. : Изд-во и 1-я тип. Изд-ва Акад. наук СССР в Л., 1950. – 407 с.
3. Вішнеўскі, А.Ф. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі : вучэб. дапам. / А.Ф. Вішнеўскі. – Мінск : ВП «Экаперспектыва», 2000. – 312 с.
4. Владимирский-Буданов, М.Ф. Обзор истории русского права / [Соч.] Проф. М.Ф. Владимирского-Буданова. – 5-е изд. – СПб. ; Киев : Н.Я. Оглоблин, 1907. – [4], VI, VI, 694 с.
5. Русская Правда // Памятники русского права / Под общ. ред. С.В. Юшкова. – М. : Государственное издательство юридической литературы, 1952. – Вып. 1: X–XII вв.: Памятники права киевского государства / А.А. Зимин [и др.]. – 287 с.
6. Русская Правда // Российское законодательство X–XX вв. : в 9 т. / под общ. ред. О.И. Чистякова. – М. : Юрид. лит., 1984. – Т. 1: Законодательство Древней Руси / В.Л. Янин [и др.]. – 351 с.

⁵ Статут Великого Княжества Литовского 1529 года / Академия наук Белорусской ССР, Отдел правовых наук. – Минск: Издательство Академии наук БССР, 1960. – С. 128–129.

⁶ Статут Вялікага княства Літоўскага 1588 : Тэксты. Давед. Камент. / Беларус. Сав. Энцыкл. ; рэдкал. І. П. Шамякін (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БелСЭ, 1989. – С. 430.

7. Чельцов-Бebutov, М.А. Курс уголовно-процессуального права / Печ. по изд.: Чельцов-Бebutov, М.А. Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах. – М., 1957. – СПб. : Равена, Альфа, 1995. – 846 с.
8. Беляев, И.Д. Лекции по истории русского законодательства / И.Д. Беляев. – М.: Тип. С.А. Петровского и Н.П. Панина, 1879. – 730 с.
9. Числов, П.И. История русского права от издания Соборного уложения царя Алексея Михайловича до издания Свода законов / П.И. Числов. – М. : Тип.-лит. О.И. Лашкевича и К, 1896. – 317 с.

REFERENCES

1. Doŭnar, T.I. (2014). *Gistoryya dzyarzhavy i prava Belarusi*. Minsk: Adukacyya i vyhavanne. (In Russ.).
2. *Povest' vremennyh let*. (1950). Lihacheva, D.S., Lihacheva, D.S., Romanova, B.A., Adrianova-Peretc, V.P. Moscow, Leningrad: Izd-vo i 1-ya tip. Izd-va Akad. nauk SSSR v L. (In Russ.).
3. Vishneŭski, A.F. (2000). *Gistoryya dzyarzhavy i prava Belarusi*. Minsk: VP «Ekaperspektyva». (In Russ.).
4. Vladimirskij-Budanov, M.F. (1907). *Obzor istorii russkogo prava*. Kiev: N.YA. Ogloblin. (In Russ.).
5. *Russkaya Pravda*. (1952). In Yushkov S.V. (Eds.). *Pamyatniki russkogo prava*. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo yuridicheskoy literatury. (In Russ.).
6. *Russkaya Pravda*. (1984). In O.I. Chistyakova (Eds.) / Rossijskoe zakonodatel'stvo X–XX vv.: v 9 t. T.1. Moscow: Yurid. lit. (In Russ.).
7. Chel'cov-Bebutov, M.A. (1995). *Kurs ugolovno-processual'nogo prava*. SPb.: Ravana, Al'fa. (In Russ.).
8. Belyaev, I.D. (1879). *Lekcii po istorii russkogo zakonodatel'stva*. Moscow: Tipografiya S.A. Petrovskogo i N.P. Panina. (In Russ.).
9. Chislov, P.I. (1896). *Istoriya russkogo prava ot izdaniya Sobornogo ulozheniya carya Alekseya Mihajlovicha do izdaniya Svoda zakonov*. Moscow: Tipo-litografiya O. I. Lashkevicha i K. (In Russ.).

Поступила 26.07.2021

GENESIS OF THE LEGAL REGULATION OF PRE-TRIAL CRIMINAL PROCEDURE IN THE ANCIENT BELARUSIAN LANDS

Y. SHKAPLEROV

The article considers the genesis of the legal regulation of pre-trial criminal procedure in the ancient Belarusian lands from the beginning of the XI century. In particular, the provisions of the senior written source of Kievan Rus law – Russkaya Pravda, which regulates such procedural institutions as “svod”, “gonenie sleda”, are analyzed. Thus is considered their essence and opinions of various authors on the designated problems. The author focuses the attention on the fact that the legal regulation of traces fixation of socially dangerous acts, determined by some provisions of the Russkaya Pravda, was taken by the legislator after some centuries and reflected in the Statutes of the Grand Duchy of Lithuania in 1529, 1566, 1588, which were in force on the Belarusian land until the XIX century.

Keywords: *history of law, criminal procedure, Russkaya Pravda, Statute of the Grand Duchy of Lithuania.*